

Книга

Верлибр

Бывают книги—как иконы—чудотворные.

У книг на полке новая соседка—
на ярмарке вчера её купили.
Глава семьи, едва сняв плащ в прихожей,
по центру полки Книгу разместил;
она была подарочным изданием,
в ней тонко и уместно сочетались
добротность с элегантностью обложки,
крылатость с просвещённостью души.

Ляссе блестящей ленточкой из шёлка,
как луч от солнца в плотности пшеницы,
терялось в недрах сомкнутых страниц.
Бывало, с Книгой кто-то из домашних,
устроившись удобно в мягком кресле,
для видимости больше, чем для пользы,
пытался содержание постичь.

Все пробы были тщетны: кроме знаков,
открытых для читательского взгляда,
никто не видел большего меж строк.
Всё реже обращались люди к Книге,
всё чаще их притягивала плазма
холодную зеркальностью своею,
порталами обманчивых миров.

Но Книгу не пугала одинокость:
ей было чем заполнить время в сутках—
картинами предшествующей жизни,
той, что словами сложно передать.
Совсем иной была в той жизни Книга,
когда и мира не было на свете,
царил лишь Деймос всеуничтоженья:
не люди—тени жались по углам...

.. Война. Нева. Февраль сорок второго.
Нетопленная гулкость коммуналки.
Заплесневело-сыро. Плач детей.
Два брата лет семи-восьми, не больше,—
две жизни в изувеченном пространстве—
полулежали друг напротив друга
и ждали, что услышит кто-нибудь.

Как пахнет хлеб, они давно забыли,
ремни на днях скрутили в мясорубке,
закончился вчера обойный клей...
За окнами маячила развязка;
вдруг в сумраке угла упало что-то—
с покатога ларя сорвалась книжка—
была она пожившею сполна.

Мальчишки из оставшихся силёнок
к брошюрке подползли, и две странички,
похожие на жухлые листочки,
остались в тонких пальцах детских рук.
Страницы разорвали в одночасье
и... съели, не жуя... С того момента
теряла книжка в весе и жалела
о том, что в ней лишь семьдесят страниц...

...Немыслимо бесстрашие людское!
Не стигнули в аду блокады дети!..
А книжка, что упала с сундука,
свидетельница подвига и чуда,
в буквальном смысле—пища во спасенье,
вернулась и теперь—преображённой—
с настенной полки наблюдала мир...

...С годами изменились облик дома
и люди за большим столом в гостиной,
что, к счастью, через время сберегли
забытую однажды всеу Книгу:
сегодня к ней как к другу обращались,
с открытостью сердец, благоговейно
притрагиваясь к вороху страниц...

...В часы ночных домашних сновидений
приотворялась дверь в большую залу,
в контрасте с темнотой в дверном проёме
вытаивала детская душа
и до рассвета черпала из Книги,
как из ладоней мудрости почтенной,
прозрачность чувств, надежд, переживаний—
истоки всеспасительной любви.

Две юности, две нежности

Две юности, две нежности гуляли у реки,
им вслед звенели майские последние звонки.
Прощание со школою и первый взрослый вальс
какими-то нездешними казались им сейчас...

Две нежности, две юности смотрели на закат
и будущее строили по звёздам наугад;
их робкие признания слетали с губ в ночи:
не верить счастью хрупкому, казалось, нет причин.

Не знала тишь подлунная, что скоро в каждый дом
беда проникнет исподволь холодным сквозняком
и юность, повзрослевшая за день на три весны,
уйдёт от репродукторов в бессмертие войны.

И разом онемевшие осядут вниз дома:
разлуками разграблены в них счастья закрома;
и долго будут мокрыми подошвы у берёз:
не от дождя июньского — от материнских слёз...

... Ответьте, юность с нежностью: в какой искать дали
нам ваши не пришедшие к причалам корабли?
Запытаны, расстреляны, но каждую весну
ранимыми прострелами вы всходите в лесу.

С Великою Победою, с падением оков
с Голгофы вслед за Родиной спустилась в мир любовь,
надеждой и спасением став тем, кто смог пройти
войны освободительной все адовы пути...

... Две юности, две нежности спустя десятки лет
идут, судьбе доверившись, ветрам июньским вслед;
их светлые стремления одобри, высота,
и спрячь до часа звёздного за пазухой Христа.

Прабабушка Анастасия

Никто не знал, когда она спала:
казалось, будто вовсе не ложилась,
чтоб каша в чугушках с утра дымилась
и живность обихожена была.

В годину переломных, вьюжных лет
она, приняв на плечи вдовью долю,
девятирех детей вела на свет,
маячащий поверх разлук и боли.

В святом углу в укромный час ночной
цвёл жёлтым фитилёк свечи церковной;
о старшем сыне, забранном войной,
была её мольба перед иконой.

Заступница для всей большой семьи,
она лишь об одном в трудах мечтала:
чтоб дети стали добрыми людьми
и помнили всегда своё начало.

У домика её на два окна
рос в изгороди пышный куст сирени;
под ним, присев на лавочку, она
вечеровала с книгой на коленях...

... Я с юности искала идеал,
не зная, что заветный образ рядом:
подчёркнутый платком лица овал
и солнечность пронзительного взгляда...

В духовном мире, к счастью, нет границ!
История корнями из народа
мне ближе и дороже год от года
теплом животрепещущих страниц.

Артист и Музыка

*Стихотворение-поклон
Дмитрию Хворостовскому*

*Если в стае чёрных птиц
появляется белая птица,
стая сразу же перестает быть чёрной.*

Скорбела Музыка: она
была нема, душою льдиستا;
в день разлучения с Артистом
ей жизнь казалась так тесна.
Окно б открыть и в облака
за ним взбежать тропинкой взлётной,
чтоб поминутно и понотно
быть сердцем к сердцу на века.
Она не плакала навзрыд,
не жгла свечей подобострастно,
но всем, кто слышит, было ясно:
сегодня Музыка скорбит.

Смотрелась каменным цветком
её фигурка у рояля.
О, как она в те дни звучала,
когда Артист был с ней вдвоём:
её возвышенность, его
на гамму чувств богатый голос,
в дуэте творческом удвоясь,
являли светлых душ родство...
... Недолог счастья яркий блеск,
но и у мрака есть границы:
быть в птичьей стае белой птицей
Артисту благостью Небес...
Вся в прошлом Музыка, молчит,
накинув ночь себе на плечи,
ждёт: возвратится голос певчий,
и вновь союз их зазвучит.